

— Сестра, правда, дело не в том, что я не хочу ничего предпринимать, просто никто не поверит в мои слова. А если даже предположить, что наверху поверят, то за столь короткий срок невозможно организовать эффективное противодействие. Это стихийное бедствие нельзя ни предсказать заранее, ни остановить.

Разве смерть в такой момент — не своего рода избавление?

— Даже я, прошедший через всё это, не хочу возвращаться к той жизни. Вместо того чтобы думать, как существовать в том гнилом мире, подобно бродячей собаке, лучше уж наслаждаться нынешней жизнью цивилизованного человека.

Мо Ян помолчал, а затем тихо и мягко утешил её:

— Знаешь, сестра, может, ты и не поверишь, но сейчас я чувствую себя маленькой рыбкой из сточной канавы, которая внезапно попала в чистый бескрайний океан. Я просто хочу жить в этом океане. Даже зная, что рано или поздно стану добычей для других рыб, я всё равно хочу остаться здесь, насладиться хотя бы мигот тишины. Я больше не хочу возвращаться в ту канаву, движимый лишь примитивным желанием выжить любой ценой. Как они поступят, я не знаю. Но такая жизнь, где ты уже не человек, но ещё не мертвец, страшнее самой смерти.

...

Живые страдают больше мертвых. Мо Ян, вернувшийся из апокалипсиса, открыл ей глаза: такая жизнь хуже смерти. Мо Лю, даже не пережив этого лично, могла представить, что это за кошмар. Её сердце сжалось от боли, и она крепко обняла брата.

— Всё будет иначе. Ты вернулся, и судьба всей нашей семьи изменится благодаря тебе. Ты — герой в моих глазах. Мы будем жить, чего бы это ни стоило. Как бы ни был суров мир в будущем, ты больше не будешь скитаться в одиночестве, не столкнешься с предательством. Мы всегда будем рядом, не бойся.

С тех пор как Сяо Цин погубил его, Мо Ян чувствовал себя опустошенным, словно внутри него что-то надломилось. Даже вернувшись к родителям и сестре, он не мог избавиться от этого чувства одиночества и беспомощности. Он понимал: это посттравматический синдром. К тому же, привыкнув к правилам выживания в апокалипсисе, он оказался выброшен в шумный, суетливый мир современной цивилизации, где не было ни секунды покоя, что доводило его до иступления.

Он отчаянно сопротивлялся попыткам влиться в жизнь обычных людей. Поездки на побережье, попытки заставить себя стать как все — всё это приносило лишь мимолетное облегчение во время еды. Но сейчас, под твердым и нежным утешением сестры, он, словно скитавшийся и дравшийся за объедки пес, наконец нашел дверь в свой дом. Родная кровь оказалась сильнее всего. Его самый жуткий страх, но в то же время и его единственная опора — всё было связано с семьей.

У Мо Яна защемило в носу, глаза наполнились слезами, и он крепко обнял сестру в ответ.

— Сестра, я боюсь, поэтому и не решался встретиться с тобой и родителями... Иногда я думаю, что лучше хранить память, чем видеться вновь. Я боюсь снова пережить боль утраты. Я хочу изменить судьбу, спасти вас, защитить, чтобы вы жили, но я до смерти боюсь прихода апокалипсиса. Ведь те, кто там выживает, перестают быть людьми... Нет, они уже не люди, они палачи! Людоеды! Мы все убивали, все ели человечину! Я...

Я с детства рос с Сяо Цином, мы делили всё, знали друг друга лучше, чем родных. В апокалипсисе мы сражались плечом к плечу, спасали друг друга бесчисленное количество раз, делили пополам лепешку и глоток воды. Он тащил меня на спине больше десяти километров, когда я подвернул ногу, и падал от усталости. Я считал его братом, всегда закрывал собой в бою... Но в итоге он ради получения силы толкнул меня в толпу зомби, чтобы я принял мучительную смерть! Я ненавижу его, но в то же время понимаю, и мне кажется, он даже избавил меня от мучений. Я часто вспоминаю его, скучаю по тем дням, когда мы прикрывали друг другу спины. Получил ли он силу? Убивает ли уже зомби? Перестал ли скитаться и зажил спокойной жизнью? Без него я так одинок... Здесь я так одинок!

Я ненавижу небо за то, что оно вернуло меня сюда, но в то же время я благодарен, что могу видеть вас. Сестра, я больше не нормален. Я боюсь верить тебе и родителям, я боюсь за вас, за то, как вы будете жить в том мире... Я и себе перестаю верить. Я всё думаю: если бы тогда у меня был кристалл высшего ранга, стал бы я ради силы отбирать у Сяо Цина его артефакт и... убил бы его? Сделал бы я это? Наверное, нет! Но они... те люди, они обезумели ради выживания и силы. Родные убивают родных, это стало заразным, как вирус. Устранение обузы — вот путь к легкости. Я боюсь, что и вы изменитесь. Сестра, скажи, что мне делать?

Я вернулся, но я не могу больше любить близких, не могу ненавидеть врагов. Даже проклятое небо — и то не могу проклясть. Оно позволило мне выжить, но не дало сойти с ума до конца. Сестра, я так устал, мне совсем не радостно. Я хочу плакать, но слез нет — все выплакал за те два года. Смеюсь, но радость не доходит до сердца, внутри лишь пустота, которая не дает дышать. Сестра, в последнее время я каждый день хочу умереть. Если я умру, мне станет легче, но я боюсь, что вы с родителями будете страдать. От этой мысли мне не будет покоя даже после смерти...

Мо Лю от его слов стало не по себе, сердце сжалось. Она крепче обняла брата, стараясь не дать его мыслям уйти в сторону самоубийства.

— Не бойся, Мо Ян, не бойся. Сейчас рядом с тобой мама, папа и я. Ты больше не один. Два с половиной года вы с Сяо Цином были неразлучны, конечно, ты привык к нему, и теперь, когда его нет, тебе не по себе. Но ведь и он, раз уж погубил тебя, вряд ли живет с чистой совестью. Твое одиночество и растерянность — они наверняка есть и у него.

Мо Лю погладила его по спине:

— Я понимаю, я всё понимаю. Пусть я не видела апокалипсиса, но я изучала историю войн.

Даже если сложить ужасы всех мировых конфликтов, они не сравнятся с тем, что пережил ты. Предательство, резня, массовое одичание, когда личность подавляется безумием толпы... Это сведет с ума любого наблюдателя, не говоря уже о том, кто прошел через это сам. Ты не виноват. Это стихийное бедствие, это природа человека. Твои страхи и сомнения абсолютно естественны. Ты нормальный человек, просто ты внезапно попал в мирный социум и чувствуешь себя лишним, чувствуешь вину.

Но послушай меня: ты не виноват! Даже если ты убивал, это было как на войне — убей или будешь убит. Почему победитель должен чувствовать вину? Ты же не убивал ради забавы. Неужели ты был бы невиновен, если бы позволил убить себя? Не сравнивай себя с обычными людьми из этого мира. Ты не несешь на себе грехи того мира, просто представь, что это был тяжелый уровень в игре. Ты никого не предавал, не причинял вреда нам, а то, что ты так боишься повторения, доказывает, что ты добрый и любящий человек. Ты никогда не станешь таким, как они. Все грехи — на них, а не на тебе. Впредь, если ты станешь сильнее и осторожнее, никто тебя не тронет.

Хотя, по правде, твои страхи кажутся мне преувеличенными. Мы с родителями не знаем такого предательства, нам не понять тебя до конца, и ты должен это принять. Но я верю: как и я, родители больше всего на свете боятся не смерти, а того, что наша семья развалится из-за недопонимания или разлуки. И еще больше мы боимся, что из-за этих опасений ты отдались от нас. Пожалуйста, не заставляй нас через это проходить. Мы очень тебя любим. Посмотри на меня: я услышала в твоём голосе что-то неладное и сразу приехала. Родители сделали бы то же самое. Мо Ян, поверь нам. Как бы ни был прекрасен или жесток этот мир, наша семья — это те, кто заботится друг о друге больше всего. Дай мне слово: не думай о будущем, не думай об исходе, просто попробуй довериться нам. Поверь семье, которая любит тебя двадцать лет, и давай вместе постараемся выжить. Хорошо?

После нескольких дней борьбы с самой собой она практически приняла его слова об апокалипсисе. Остатки рационализма исчезли, когда она услышала плачущего брата. Мо Ян, успокоенный её словами, пообещал:

— Сестра, я верю тебе. После этой поездки вернемся, поговорим с родителями, узнаем, что они думают. Если они поверят и захотят жить, мы заранее подготовимся и будем бороться вместе. А если они ни за что не поверят... что ж, тогда выберем достойный способ уйти. Все вместе.

— Хорошо, договорились.

Нет, почему нужно сразу думать о крайностях? Я не хочу умирать! — подумала Мо Лю. Она решила, что у её бедного брата серьезная психологическая травма после того ада. Вести его к психологу нельзя — она сама была на грани слез, одновременно злясь и жалея его.

— А обязательно умирать? Даже если родители не поверят, мы должны сделать всё, чтобы они выжили. У тебя опыта больше, чем у кого-либо, мы подготовимся заранее, всё будет иначе, чем в твоей прошлой жизни, не будет так опасно.

Мо Ян покачал головой, сопротивляясь:

— Нет. Я больше не хочу жить в одиночестве, не будучи человеком. Без подготовки я вас не защищу. Двое стариков и хрупкая девушка — мы станем мишенью и для грабителей, и для мародеров, а из-за проблем с физической подготовкой при побеге... если хоть кто-то из вас попадет в лапы зомби или, что еще хуже, в руки людоедов, я сойду с ума. Я правда боюсь.

Стать чьим-то обедом — это было за гранью воображения Мо Лю. От одной мысли об этом у неё волосы встали дыбом.

— Ладно, ладно. Как бы там ни было с родителями, я лично обещаю тебе: будем жить — так вместе, а если уж придет тот день, уйдем достойно.

<http://bllate.org/book/20034/1977655>